

4. Азарова, Е. Г. Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями / Е. Г. Азарова // Особенности правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников : науч. – практ. пособие / Е. Г. Азарова [и др.] ; отв. ред. Т. Ю. Коршунова. – М. : Ин-т законодательства и сравнител. правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. – С. 37–64.

5. Климантова, Г. И. Государственная семейная политика в процессе социально-политической трансформации современной России: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Г. И. Климантова. – М., 2002. – 342 с.

6. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей [Электронный ресурс] : Федер. закон, 19 мая 1995 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

7. О ежемесячном пособии на ребенка [Электронный ресурс] : Закон города Москвы, 3 нояб. 2004 г., № 67 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

8. Об утверждении Положений о порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка и о порядке учета и исчисления величины среднедушевого дохода, дающего право на получение ежемесячного пособия на ребенка [Электронный ресурс] : постановление Правительства Москвы, 28 дек. 2004 г., № 911 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

РЕАЛИЗАЦИЯ ШТРАФНОЙ ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Мороз В. П.

Страховая суброгация как способ реализации штрафной функции гражданско-правовой ответственности. Гражданско-правовая ответственность является одной из форм государственного принуждения за совершенное правонарушение. Она состоит в возложении на правонарушителя санкций имущественного характера, взыскиваемых по требованию потерпевшей стороны и направленных на восстановление ее имущественного положения [1, с. 173]. Через претерпевание правонарушителем неблагоприятных имущественных последствий его противоправного поведения реализуется штрафная (наказательная) функция гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, в гражданско-правовой ответственности, как и во всякой юридической ответственности, штрафная функция заключается в наказании правонарушителя [2, с. 592]. В то же время, предмет и метод гражданско-правового регулирования предопределяют особенности гражданско-правовой ответственности и влияют на осуществление штрафной функции. Наказание в гражданском

праве нацелено на имущественную сферу правонарушителя и проявляется в возложении на него неблагоприятных имущественных последствий его противоправного поведения. Иначе говоря, тяжесть возмещения потерь потерпевшего несет именно правонарушитель. При этом в отличие от уголовной и административной ответственности, где наказательная функция является превалирующей, штрафная функция гражданско-правовой ответственности не имеет самостоятельного значения и проявляется лишь постольку, поскольку связана с возложением на правонарушителя неблагоприятных последствий компенсационного характера [1, с. 174]. Совершенно справедливо отмечается, что главенствующее значение имеет компенсационная функция гражданско-правовой ответственности, которая вытекает из имущественного эквивалентно-возмездного характера гражданских отношений и заключается в том, чтобы привести имущественное положение лица, которое потерпело от правонарушения, в соответствие с тем, какое имело бы место, если бы правонарушение не было совершено [1, с. 173].

Одним из способов реализации штрафной функции гражданско-правовой ответственности в страховых правоотношениях является суброгация, или переход к страховщику, выплатившему страховое возмещение, права требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, причинившему ущерб. В соответствии с п. 1 ст. 855 ГК Республики Беларусь если договором имущественного страхования и страхования ответственности не предусмотрено иное, к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования.

Норма о суброгации позволяет возложить неблагоприятные имущественные последствия противоправного поведения непосредственно на лицо, ответственное за причиненные убытки. Действительно, то обстоятельство, что, лицо, понесшее убытки, было от них застраховано, не должно освобождать ответственного за причинение этих убытков от обязательства их возмещения. В конечном итоге именно правонарушитель должен нести тяжесть их возмещения.

Проблема суброгации при страховании ответственности за причинение вреда. По смыслу ст. 855 ГК суброгация возможна по договору имущественного страхования и страхования ответственности. При имущественном страховании страхователь, имеющий

интерес в получении возмещения причиненных ему убытков, связанных с утратой или повреждением имущества, и обладающий в силу этого правом требования к лицу, ответственному за эти убытки, переносит это право на страховщика, выплатившего страховое возмещение. Таким образом, в рамках имущественного страхования неблагоприятные последствия возмещения причиненных убытков несет именно правонарушитель, и замысел законодателя, заложенный в институт суброгации, при данном виде страхования реализуется полностью.

Несколько иная ситуация складывается при страховании ответственности. В данном случае объектами страхования могут быть имущественные интересы, связанные с ответственностью по обязательствам, возникшим в случае причинения вреда, либо с ответственностью по договору. Достаточно распространенным является страхование ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, при котором страхуется ответственность страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена (п. 1 ст. 823 ГК). При этом договор считается заключенным в пользу лиц, которым может быть причинен вред (выгодоприобретателей) (п. 3 ст. 823 ГК). Таким образом, при страховании ответственности за причинение вреда страховщик принимает на себя обязательство возместить имущественный вред третьим лицам (выгодоприобретателям), который будет причинен страхователем или иным лицом, на которое такая ответственность может быть возложена.

Наибольшую актуальность вопросы страхования ответственности за причинение вреда имеют применительно к обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств как наиболее распространенному и быстроразвивающемуся виду обязательного страхования. При данном виде страхования страховщик принимает на себя обязательство возместить имущественный вред третьим лицам (выгодоприобретателям), который возникнет в результате эксплуатации страхователем транспортного средства.

Как и при имущественном страховании, при страховании ответственности интерес выгодоприобретателя (потерпевшего) также состоит в получении возмещения в случае причинения вреда, и возникшее право требования к причинителю вреда также переносится на страховщика, возместившего вред. Однако в этом случае пробле-

ма состоит в том, что притязание выгодоприобретателя (потерпевшего) направлено к причинителю вреда, который застраховал свою ответственность. Объектом обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств являются имущественные интересы, связанные с гражданской ответственностью владельца транспортного средства за вред, причиненный жизни или здоровью физических лиц, их имуществу либо имуществу юридических лиц в результате дорожно-транспортного происшествия. Поскольку в этом случае обязанность владельца транспортного средства по возмещению вреда преобразована в уплату им обязательных страховых взносов, такой владелец вправе рассчитывать на то, что возмещение вреда потерпевшему в пределах установленного лимита ответственности будет выплачено страховщиком, и подобные требования к нему самому предъявляться не будут, поскольку обратное противоречило бы цели данного вида страхования. Таким образом, с одной стороны, страховщик, к которому в результате суброгации перешло право требования выгодоприобретателя (потерпевшего), может реализовать это право и возложить неблагоприятные имущественные последствия на лицо, ответственное за причиненный вред, с другой стороны, это лицо застраховало свою ответственность и вполне обоснованно полагает, что никакие притязания по возмещению причиненного вреда в рамках застрахованного лимита ответственности к нему предъявляться не будут, в том числе и страховщиком.

В связи с этим возникают вопросы, связанные как с самой возможностью и условиями перехода к страховщику права требования к причинителю вреда, ответственность которого застрахована, так и с порядком и условиями осуществления страховщиком перешедшего к нему права требования.

Об условиях суброгации при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств. В системе обязательственных отношений правовые отношения, связанные с суброгацией при страховании ответственности за причинение вреда, занимают особое место. Их особенность обусловлена тем, что в данном случае применимыми являются как нормы о страховании (глава 48 ГК), так и нормы об обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда (глава 58 ГК). Порядок и условия осуществления обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств определены в главе 13 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденного Указом Прези-

дента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности», в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 14 апреля 2014 г. № 165 (далее – Положение о страховой деятельности). Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 24 июня 2004 г. № 9 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного транспортными средствами» (далее – постановление Пленума № 9) в порядке судебного толкования даны разъяснения по вопросам рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного транспортными средствами. Указанные нормативные правовые акты составляют правовую основу регулирования отношений, связанных с суброгацией при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Право требования к лицу, ответственному за причиненный вред, является субъективным правом и должно основываться на определенном правоотношении между управомоченными субъектами. В силу п. 1 ст. 855 ГК субъектами, обладающими таким правом требования, являются потерпевший, которому причинен вред (выгодоприобретатель), и страховщик, выплативший страховое возмещение выгодоприобретателю. При причинении вреда лицом, ответственность которого застрахована в порядке обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, субъективные права участников правоотношений реализуются как в рамках обязательства, возникающего вследствие причинения вреда, так и в рамках договора страхования. В силу этого для понимания правовой природы суброгации при данном виде страхования необходимо проанализировать порядок и условия реализации своих субъективных прав потерпевшим (выгодоприобретателем) и страховщиком в указанных правоотношениях.

Лицо, потерпевшее в результате причинения вреда владельцем транспортного средства, ответственность которого застрахована, оказывается связанным правовыми отношениями с причинителем вреда и со страховщиком. При этом правоотношения, связывающие потерпевшего (выгодоприобретателя) с причинителем вреда и страховщиком, различные.

Правоотношение, которое связывает потерпевшего (выгодоприобретателя) с причинителем вреда, возникает в рамках обязательства вследствие причинения вреда. Правоотношение же, связывающее потерпевшего (выгодоприобретателя) со страховщиком, вытекает из договора страхования. Следовательно, потерпевший

(выгодоприобретатель) обладает двумя различными субъективными правами, которые возникли из разных правовых оснований. Как лицо, которому причинен вред, потерпевший обладает правом в отношении причинителя вреда, реализуемым в рамках обязательства вследствие причинения вреда. Он же, являясь выгодоприобретателем по договору страхования, обладает правом в отношении страховщика, реализуемым в рамках страхового обязательства.

Несмотря на то, что притязания потерпевшего в отношении причинителя вреда и страховщика различные, у них есть два общих признака: во-первых, оба притязания возникают в одно время – в момент причинения вреда (наступления страхового случая); во-вторых, они преследуют одну цель – возмещение причиненного вреда. Следовательно, ввиду одновременности возникновения и направленности обоих притязаний на достижение одной цели осуществление потерпевшим (выгодоприобретателем) одного из них исключает в соответствующих пределах реализацию другого, и его дальнейшая судьба зависит от того, в состав какого именно (деликтного или страхового) обязательства входит упомянутое притязание.

В силу того, что потерпевший (выгодоприобретатель) связан правоотношениями, с одной стороны, с правонарушителем, а с другой – со страховщиком, в обоих случаях он выступает в качестве кредитора применительно к возмещению вреда, в его руках сосредоточиваются два правомочия. Исходя из п. 4 ст. 823 ГК при наступлении страхового случая (причинении вреда) выгодоприобретатель предъявляет требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы (лимита ответственности) непосредственно страховщику, который застраховал ответственность причинителя вреда, чем реализует одно из имеющихся у него правомочий. Страховщик выплачивает страховое возмещение в счет возмещения вреда, причиненного делинквентом, но исполняет при этом свою обязанность, вытекающую из страхового правоотношения. Соответственно, после того как выгодоприобретатель получает исполнение от страховщика, он уже не может в пределах возмещенной суммы осуществить свое право по отношению к причинителю вреда. При этом невозможность осуществления такого права по отношению к причинителю вреда обусловлена не тем, что оно исчезло (ведь обязательство причинителя вреда возместить причиненный вред осталось неисполненным), а тем, что потерпевший (выгодоприобретатель) получил бы больше, чем потерял, ведь нанесенный

ему вред уже компенсирован осуществлением другого права, причем за счет имущества страховщика.

В результате исполнения страховщиком обязанности по возмещению вреда удовлетворяется субъективное право потерпевшего (выгодоприобретателя) на получение возмещения причиненного ему вреда. В то же время, получение потерпевшим (выгодоприобретателем) страхового возмещения отражается на имущественном положении страховщика, но не причинителя вреда. При этом сам факт возмещения вреда потерпевшему не освобождает виновника его возникновения от обязанности возместить ущерб, который вызван его действиями. Ведь, как было отмечено ранее, реализация штрафной функции гражданско-правовой ответственности, предполагает, что ущерб, причиненный правонарушением, кем бы он ни был возмещен потерпевшему, должен в конечном счете отразиться на имущественной сфере правонарушителя. Именно поэтому страховщик возмещает причиненный ущерб «в обмен» на получаемое от выгодоприобретателя право требования к лицу, которое ответственно за причинение этого ущерба. Таким образом, имеющееся у потерпевшего (выгодоприобретателя) право требования к лицу, ответственному за причиненный вред, переходит к страховщику в порядке суброгации.

Вместе с тем условия суброгации при имущественном страховании и страховании ответственности существенным образом отличаются. По договору имущественного страхования страховщик принимает на себя обязательство возместить ущерб, причиненный страхователю третьим лицом, и до перехода к страховщику прав страхователя какая либо правовая связь между страховщиком и этим третьим лицом, причинившим ущерб, вообще отсутствует. Следовательно, при имущественном страховании условиями предъявления страховщиком требований к лицу, ответственному за ущерб, причиненный страхователю, будут общие условия ответственности данного лица.

Иная ситуация складывается при страховании ответственности. Существенная особенность данного вида страхования, влияющая на условия суброгации, состоит в том, что страховщик, который застраховал ответственность причинителя вреда и выплатил страховое возмещение потерпевшему (выгодоприобретателю), оказывается связанным правовым отношением как с потерпевшим (выгодоприобретателем), так и с причинителем вреда (страхователем)

ответственности). Причем в отличие от правовой связи с потерпевшим (выгодоприобретателем), которая возникает только с момента причинения вреда (наступления страхового случая), страховое правоотношение, связывающее страховщика и лицо, застраховавшее свою ответственность, возникает с момента вступления договора страхования в силу. Именно в рамках страхового обязательства страховщик обязуется при наступлении страхового случая возместить потерпевшему (выгодоприобретателю) причиненный вред в пределах лимита ответственности, тем самым «оградив» причинителя вреда от возможных притязаний со стороны потерпевшего (выгодоприобретателя). В связи с этим очевидно, что условия, при которых возможна суброгация при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств, не должны сводиться только к условиям ответственности за причиненный вред, поскольку обратное противоречило бы цели страхования такой ответственности.

Таким образом, в основе суброгации лежит правоотношение, связывающее страховщика, выплатившего страховое возмещение, с потерпевшим (выгодоприобретателем) и причинителем вреда (страхователем). Исходя из этого как порядок возмещения страховщиком вреда, причиненного выгодоприобретателю, так и условия перехода к страховщику прав выгодоприобретателя должны реализовываться в рамках страхового правоотношения. Именно в силу последнего страховщик приобретает право требования, которое выгодоприобретатель имеет к лицу, ответственному за причиненный вред, который был возмещен в результате страхования.

В то же время содержание правоотношения составляют субъективные права и обязанности его участников. При этом определенное правоотношение возникает на основе норм права и в силу юридических фактов, или конкретных жизненных обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение соответствующих правоотношений (например, действий субъектов и т.п.) [3, с. 136]. Следовательно, субъективное право лица основывается на нормах права и возникает на основе определенных юридических фактов.

Праву требования страховщика к лицу, ответственному за причиненный ущерб, предшествует совокупность юридических фактов, а именно причинение ущерба потерпевшему (наступление страхового случая) и удовлетворение страховщиком притязания потер-

певшего посредством выплаты ему страхового возмещения. Причем именно в силу исполнения страховщиком обязательства по выплате страхового возмещения право обратного требования, исполненного переходит к страховщику. При этом важное значение имеют следующие обстоятельства.

Во-первых, право требования может перейти к страховщику только после выплаты страхового возмещения страхователю (выгодоприобретателю). Требование страховщика не может быть осуществлено ранее этого факта. Переход такого права обусловлен необходимостью довести ответственность за убытки до действительного виновника их возникновения. В этом проявляется сущность перешедшего к страховщику права требования, в силу которого он возвращает себе то, что уплатил страхователю (выгодоприобретателю).

Во-вторых, право требования страховщика именно как его субъективное право реализуется в рамках того обязательства, которое возникло между страхователем (выгодоприобретателем) и лицом, ответственным за убытки. Согласно п. 2 ст. 855 ГК перешедшее к страховщику право требования осуществляется им с соблюдением правил, регулирующих отношения между страхователем (выгодоприобретателем) и лицом, ответственным за убытки. Вследствие суброгации страховщик становится стороной того обязательства, субъектом которого до него был страхователь (выгодоприобретатель), и ответственность правонарушителя перед страховщиком определяется условиями именно этого обязательства, а не нормами о страховании.

Понимание суброгации именно как перехода к страховщику прав страхователя (выгодоприобретателя) на возмещение ущерба имеет важное значение для правильной регламентации соответствующих отношений и выработки единообразной правоприменительной практики. Показательным в этой связи является изменение позиции законодателя в отношении поведения страхователя по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, выразившегося в несообщении страховщику об увеличении страхового риска в период действия договора страхования либо указании в заявлении о страховании заведомо ложных сведений, повлекших недоплату страхового взноса. Согласно ч. 4 п. 178 прежней редакции Положения о страховой деятельности в названных случаях страховщик имел право требования к страхователю в пределах выплаченного потерпевшему страхового возмещения. Однако очевидно, что в этих случаях притязания страховщика основаны и реализуются

исключительно в рамках страхового правоотношения и не являются результатом их перехода в порядке суброгации от выгодоприобретателя. В связи с этим более логичной является норма п. 156 действующей редакции Положения о страховой деятельности, в соответствии с которой к страховщику в таких случаях право требования в пределах выплаченного страхового возмещения не переходит, а он может предъявить страхователю требование о доплате страхового взноса и штрафа в двойном размере суммы этой доплаты.

В связи с переходом к страховщику прав страхователя (выгодоприобретателя) на возмещение ущерба важен также вопрос применения норм о сроке исковой давности. Учитывая, что при суброгации страховщик выступает правопреемником страхователя (выгодоприобретателя) в обязательстве между последним и правонарушителем, очевидно, что исчисление срока исковой давности в этом случае необходимо начинать с момента, когда правонарушителем было нарушено право страхователя (выгодоприобретателя), то есть с момента наступления страхового случая. Подтверждением этому является и норма ст. 202 ГК, в силу которой перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления.

Исходя из п. 1 ст. 855 ГК переход к страховщику, выплатившему страховое возмещение, права требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за причиненный ущерб, возможен, если договором имущественного страхования и страхования ответственности не предусмотрено иное. С учетом того, что правоотношения, вытекающие из обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, регулируются специальным законодательством (п. 1 ст. 825, п. 3 ст. 826 ГК), очевидно, что им должны быть установлены порядок и условия суброгации применительно к данному виду страхования.

Исчерпывающий перечень условий, при которых возможен переход к страховщику права требования потерпевшего (выгодоприобретателя) к лицу, ответственному за причиненный вред, при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств, приведен в п. 206 Положения о страховой деятельности. Несмотря на то, что в указанной норме законодатель не употребляет термин «суброгация», следует признать вполне оправданным изложенный в п. 21 постановления Пленума № 9 подход к определению правовой природы перехода к страховщику права требования выгодоприобретателя именно как суброгации.

Согласно п. 206 Положения о страховой деятельности страховщик (Белорусское бюро по транспортному страхованию) имеет право требования к юридическому или физическому лицу, ответственному за причинение вреда, в случаях:

- умышленных действий, за исключением действий, совершенных в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны;
- управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, либо передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а также в случае отказа от медицинского освидетельствования после совершения дорожно-транспортного происшествия;
- признания в установленном порядке факта потребления алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ лицом, причинившим вред, после совершения дорожно-транспортного происшествия до прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования);
- отсутствия у лица, причинившего вред, предусмотренных в законодательстве оснований на право управления транспортным средством;
- невыполнения лицом, причинившим вред, требований ч. 1 и 2 п. 192 Положения о страховой деятельности (оставление места дорожно-транспортного происшествия);
- совершения преступных действий с использованием транспортного средства.

Кроме того, учитывая норму п. 1 ст. 855 ГК (допускающую возможность суброгации, если иное не предусмотрено договором имущественного страхования и страхования ответственности), вполне обоснованным является закрепление в п. 206 Положения о страховой деятельности и такого условия суброгации, как использование транспортного средства в дорожном движении без заключения договора страхования. При этом необходимо иметь в виду, что в связи с отсутствием договора страхования право требования переходит не к страховщику, а к Белорусскому бюро по транспортному страхо-

ванию, осуществляющему в таких случаях расчеты с потерпевшими (п. 39 Устава Белорусского бюро по транспортному страхованию, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1999 г. № 701 «Об утверждении Устава Белорусского бюро по транспортному страхованию»).

Общим для всех указанных выше случаев суброгации является то, что законодатель допускает ее возможность не просто в силу факта причинения вреда в результате дорожно-транспортного происшествия (ведь на этот случай ответственность причинителя вреда застрахована), а в силу наличия дополнительно таких условий, которые подтверждают, что поведение лица, ответственность которого застрахована (либо которое обязано было застраховать ответственность, но не сделало это), вышло за рамки правомерного поведения, регламентированного законодательством. Следовательно, обязанность лица, ответственного за причинение вреда, компенсировать страховщику убытки, который он понес в результате выплаты страхового возмещения потерпевшему (выгодоприобретателю), возникает исключительно в связи с противоправными действиями, перечисленными в п. 206 Положения о страховой деятельности. И в этом смысле значение суброгации также состоит в претерпевании правонарушителем неблагоприятных имущественных последствий его противоправного поведения, что побуждает его к правомерному, добросовестному и разумному поведению в будущем.

Логичным является и такое условие суброгации, как причинение вреда лицом, изъявшим транспортное средство из обладания владельца без его вины в результате противоправных действий. В отличие от рассмотренных выше условий в данном случае право требования к лицу, противоправно завладевшему транспортным средством, опирается на факт правонарушения, состоящий в неправомерном изъятии транспортного средства из обладания его владельца. Поскольку владелец не отвечает за причиненный вред в случае, если транспортное средство выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц, то лицом, ответственным за причиненный вред, будет именно тот субъект, который противоправно завладел транспортным средством (п. 3 ст. 948 ГК). При этом необходимо иметь в виду, что при наличии вины владельца в противоправном изъятии транспортного средства из его обладания ответственность может быть возложена как на самого владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее этим транспортным средством.

О лице, ответственном за причиненный вред. В соответствии с п. 1 ст. 855 ГК лицом, к которому страховщик вправе предъявить требование, перешедшее к нему в результате суброгации, является лицо, ответственное за убытки. Пункт 206 Положения о страховой деятельности в качестве лица, к которому страховщик (Белорусское бюро) имеет право требования, называет юридическое или физическое лицо, ответственное за причинение вреда, и (или) лицо, причинившее вред. В связи с этим отметим два обстоятельства. Норма Положения о страховой деятельности, предусматривающая возможность предъявления требования не только к лицу, ответственному за причинение вреда, но «и (или) к лицу, причинившему вред», появилась в редакции, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 14 апреля 2014 г. № 165. При этом в самом Положении о страховой деятельности не дано определений понятиям «лицо, ответственное за причинение вреда» и «лицо, причинившее вред».

Представляется, что дополнение п. 206 Положения о страховой деятельности указанием на возможность предъявления требования не только к лицу, ответственному за причинение вреда, но также и (или) к лицу, причинившему вред, позволяет страховщику предъявлять требование как к лицу, ответственному за причинение вреда, так и к лицу, причинившему вред, либо к ним обоим. При этом правовая природа и содержание отношений, возникающих в связи с причинением вреда транспортными средствами, подсказывают, что предоставление возможности страховщику предъявить требование не только к лицу, ответственному за причинение вреда, но и к лицу, причинившему вред, может быть обусловлено попыткой законодателя восстановить справедливость в такого рода делах. Действительно, не вызывает сомнения тот факт, что управлять транспортным средством может как его владелец, так и иное лицо. Соответственно, причинителем вреда может быть как владелец транспортного средства, так и иное лицо, управляющее транспортным средством. Следуя стремлению к справедливости, почему бы не возложить ответственность именно на непосредственного причинителя вреда?

Кстати, в этом направлении развивается и судебная практика. Согласно п. 21 постановления Пленума № 9 в зависимости от оснований иска ответчиками по таким делам являются юридические или физические лица, ответственные за причинение вреда (в частности, законный владелец транспортного средства, не заключивший договор обязательного страхования гражданской ответственности),

и (или) лица, причинившие вред (например, водитель в состоянии алкогольного опьянения или водитель, совершивший преступные действия с использованием транспортного средства). Как видим, идея восстановления справедливости, заложенная в норме Указа Президента Республики Беларусь от 14 апреля 2014 г. № 165, получила свою реализацию и в правоприменительной практике.

Однако справедливость должна следовать за законом. А законы, регулирующие тождественные отношения, должны закреплять и одинаковые подходы к их правовому регулированию. В связи с этим более глубокий анализ данной нормы Положения о страховой деятельности требует учитывать ее функциональные взаимосвязи с другими нормами, регулирующими конкретные аспекты правовых отношений, возникающих в связи с возможностью предъявления страховщиком требования, перешедшему к нему в результате суброгации.

Как было отмечено выше, поскольку страховщик в результате суброгации занимает место потерпевшего (выгодоприобретателя) в его обязательстве с причинителем вреда, по общему правилу, закрепленному в п. 2 ст. 855 ГК, право требования к причинителю вреда реализуется страховщиком с соблюдением правил, регулирующих отношения между страхователем (выгодоприобретателем) и лицом, ответственным за причиненный вред, т.е. в рамках обязательства, возникающего вследствие причинения вреда.

Согласно п. 1 ст. 933 ГК причиненный вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Применительно к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда источником повышенной опасности, таким лицом является владелец данного источника, в частности, владелец транспортного средства (п. 1 ст. 948 ГК). Не случайно именно на владельце транспортного средства лежит обязанность заключить договор обязательного страхования своей гражданской ответственности (п. 152 Положения о страховой деятельности). Поэтому в случае причинения вреда владельцем транспортного средства именно он будет считаться лицом, причинившим вред, или по смыслу п. 1 ст. 855 ГК лицом, ответственным за убытки, к которому страховщик вправе предъявить требование, перешедшее к нему в результате суброгации.

В то же время, абзац 2 п. 1 ст. 933 ГК предусматривает, что законом может быть возложена обязанность возмещения вреда на лицо, не являющееся причинителем вреда. Хотя в самой ст. 933 ГК эти лица не названы, содержание данной нормы позволяет выделить

два обязательных признака, характеризующих их: во-первых, они не являются непосредственными причинителями вреда; во-вторых, обязанность возмещения вреда должна быть возложена на них законом. Именно эти признаки служат основой для определения тех субъектов, которые, не будучи непосредственными причинителями вреда, несут обязанность по его возмещению.

В литературе обращалось внимание на то, что к указанным субъектам относятся те, которые несут деликтную ответственность за вред, причиненный другими лицами [4, с. 126]. В частности, такими субъектами ответственности являются юридические лица или граждане – за вред, причиненный их работниками (п. 1 ст. 937 ГК); хозяйственные товарищества, производственные кооперативы – за вред, причиненный их участниками (п. 2 ст. 937 ГК). В этих и других названных в законе случаях субъект ответственности за причиненный вред и непосредственный причинитель вреда не совпадают в одном лице. При этом важным признаком, позволяющим объединить всех этих лиц в одну группу и влияющим на правовое положение как лица, ответственного за причиненный вред, так и непосредственного причинителя вреда, является наличие между ними определенной правовой связи (юридические лица и их работники, хозяйственные товарищества и их участники т.п.). Эта правовая связь обусловлена тем, что конкретный причинитель вреда совершает правонарушение в процессе выполнения им своих трудовых, служебных или иных обязанностей. Как справедливо отмечалось в литературе, для признания организации обязанной к возмещению вреда, необходимо установить, что в действиях (бездействии) ее работников, участников, членов, выполняющих возложенные на них трудовые (служебные, должностные), членские и иные обязанности, выражалась деятельность самой организации [5, с. 7]. Таким образом, именно наличие указанной правовой связи позволяет законодателю определить лиц, не являющихся причинителями вреда, но несущих ответственность за причиненный вред, и возложить на них обязанность возмещения этого вреда, чем достигается цель предоставления больших гарантий защиты интересов потерпевшего в связи с реализацией его права на получение возмещения причиненного вреда.

К субъектам, являющимся ответственными за вред, причиненный другим лицом, с полным основанием можно отнести и владельца транспортного средства в тех случаях, когда управление транспортным средством осуществляется не им, а иным лицом, которому вла-

делец передал право на управление транспортным средством. Правовая связь между владельцем и лицом, управляющим транспортным средством, вытекает из факта передачи этому лицу права управления транспортным средством. При этом важно заметить, что лицо, управляющее транспортным средством в силу выполнения профессиональных обязанностей водителя либо по поручению или с согласия законного владельца, не будет рассматриваться в качестве владельца транспортного средства (ч. 2 п. 6 постановления Пленума № 9), и ответственность за причиненный вред перед потерпевшим в любом случае будет нести владелец. Следовательно, независимо от того, кто управляет транспортным средством, именно владелец транспортного средства является лицом, ответственным за причиненный вред.

Как было отмечено выше, при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств обязанность лица, ответственного за причинение вреда, компенсировать страховщику убытки, который он понес в результате выплаты страхового возмещения потерпевшему (выгодоприобретателю), возникает в силу факта причинения вреда и исключительно в связи с теми противоправными действиями, которые перечислены в п. 206 Положения о страховой деятельности. При этом, равно как факт причинения вреда лицом, управляющим транспортным средством и не являющимся его владельцем, порождает ответственность за причиненный вред владельца транспортного средства (за исключением противоправного изъятия транспортного средства из обладания владельца), так и противоправные действия, дающие право на суброгацию, совершенные лицом, управляющим транспортным средством, являются основанием для предъявления страховщиком требования к владельцу транспортного средства.

Законодатель, предусмотрев в п. 206 Положения о страховой деятельности возможность для страховщика предъявить требование к лицу, ответственному за причиненный вред и (или) лицу, причинившему вред, учел тот факт, что лицо, ответственное за причинение вреда и лицо, виновное в причинении вреда, не всегда один и тот же субъект. Виновником дорожно-транспортного происшествия может быть лицо, управляющее транспортным средством, но лицом, ответственным за причиненный вред, является владелец транспортного средства. Однако, предоставив страховщику возможность в зависимости от ситуации предъявлять требования к лицу, ответственному за причиненный вред или к лицу, причинившему вред, либо к ним

обоим, законодатель не принял во внимание следующие существенные обстоятельства.

В п. 1 ст. 948 ГК специально закреплен базовый принцип ответственности владельца источника повышенной опасности за причиненный потерпевшему вред, состоящий в ответственности без вины. Иначе говоря, вред, причиненный лицу деятельностью, которая создает повышенную опасность для окружающих, подлежит возмещению независимо от вины владельца источника повышенной опасности. Владелец источника повышенной опасности не будет нести ответственность только если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Данный принцип ответственности владельца источника повышенной опасности закреплен с целью особой, повышенной охраны имущественных интересов потерпевших и, без сомнения, является дополнительной гарантией их защиты. Поскольку при эксплуатации источника повышенной опасности достаточно сложно установить лицо, виновное в причинении вреда, субъективным основанием гражданско-правовой ответственности владельца источника повышенной опасности является осознаваемое им представление о возможных отрицательных имущественных последствиях использования такого источника. Субъективное же отношение владельца к своему поведению не должно иметь значения для возмещения причиненного вреда.

В свете же п. 206 Положения о страховой деятельности возможность предъявления страховщиком требования как к владельцу транспортного средства, так и к лицу, управлявшему им и совершившему дорожно-транспортное происшествие, будет обуславливаться необходимостью анализа поведения владельца транспортного средства именно с точки зрения его виновности. Таким образом, принцип безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности подвергается серьезной ревизии.

Более того, предусмотрев возможность предъявления страховщиком требования как к лицу, ответственному за причинение вреда, так и к лицу, причинившему вред, законодатель отдал безусловный приоритет штрафной функции гражданско-правовой ответственности. Однако, как было отмечено ранее, штрафная функция гражданско-правовой ответственности не имеет самостоятельного значения, и она не должна являться самоцелью лишь для того, чтобы правонарушитель испытал неблагоприятные имущественные последствия своего противоправного поведения. Именно реализации

компенсационной функции гражданско-правовой ответственности и восстановлению нарушенных прав потерпевших способствует закрепленный в ст. 948 ГК принцип безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности. Отступление от этого принципа, пусть и с намерением наказать виновника причиненного вреда, не является логически оправданным и согласованным с правовыми нормами и принципами, закрепленными в ГК, в том числе и с принципом обеспечения восстановления нарушенных прав.

Что же касается лица, управляющего транспортным средством и причинившего вред в результате дорожно-транспортного происшествия, штрафная функция гражданско-правовой ответственности будет проявляться не в его взаимоотношениях со страховщиком, который застраховал ответственность владельца транспортного средства, а в его отношениях с владельцем транспортного средства. И лицо, виновное в причинении вреда, должно нести ответственность не по суброгационному требованию страховщика, а по регрессному требованию владельца транспортного средства, возместившего страховщику причиненный ущерб (п. 1 ст. 950 ГК).

Об осуществлении страховщиком перешедшего к нему права требования.

В силу реализации страховщиком перешедшего к нему права требования лицо, ответственное за причиненный вред, обязано компенсировать страховщику сумму страховой выплаты, произведенной им в счет возмещения вреда, причиненного потерпевшему. Следовательно, институт суброгации не только способствует реализации штрафной функции гражданско-правовой ответственности, но также служит целям защиты имущественных интересов страховщика. При этом особенностью суброгации является то, что в данном случае мы имеем дело не с возникновением у страховщика нового права, а с сингулярным (частным) правопреемством. Понимание правовой природы суброгации именно как разновидности сингулярного правопреемства является необходимым условием для правильного разрешения споров, связанных с суброгацией, в частности, для определения объема требований страховщика.

Пунктом 1 ст. 855 ГК право требования страховщика к лицу, ответственному за убытки, ограничено пределами выплаченной суммы страхового возмещения. Согласно п. 206 Положения о страховой деятельности объем права требования страховщика включает в себя выплаченную сумму страхового возмещения, расходы, связанные

с определением размера вреда и оформлением документов. При этом законодатель не конкретизирует, какие расходы связаны с определением размера вреда и оформлением документов. Представляется, что в данном случае необходимо исходить из следующего.

С учетом приведенной выше нормы п. 2 ст. 855 ГК в результате суброгации при обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств страховщик становится стороной обязательства, возникающего вследствие причинения вреда, субъектом которого до него был потерпевший (выгодоприобретатель), и ответственность причинителя вреда перед страховщиком определяется условиями именно этого обязательства, а не нормами о страховании.

В силу этого объем права требования страховщика, перешедшего к нему от выгодоприобретателя, не может превышать того размера вреда, который был возмещен страховщиком. Вполне логично, что данное право требования включает в себя выплаченную сумму страхового возмещения. При этом порядок расчета страхового возмещения позволяет сделать вывод, что в нее включаются также расходы, связанные с определением размера вреда и оформлением необходимых документов в связи со страховым случаем (п. 187-190 Положения о страховой деятельности). Следовательно, объем права требования страховщика не может превышать размера страхового возмещения, которое он выплатил выгодоприобретателю.

В то же время страховщик осуществляет перешедшее от выгодоприобретателя право требования именно как свое субъективное право, в том числе с возможностью применения предусмотренных законодательством средств защиты. В частности, осуществление страховщиком указанного права охраняется возможностью привлечения должника (лица, ответственного за причиненный вред) к ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, включая ответственность, предусмотренную ст. 366 ГК.

Согласно п. 1 ст. 366 ГК за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств. Для понимания того, что будет считаться неправомерным удержанием средств со стороны лица, ответственного за причинение вреда, при предъявлении к нему страховщиком требования, необходимо учитывать следующее.

Как уже отмечалось, право требования у страховщика возникает после исполнения им своей обязанности перед потерпевшим, т.е. после выплаты страхового возмещения. Однако, поскольку это субъективное право страховщика, он может осуществить либо не осуществить его. Как известно, субъективное право лица – это лишь мера его возможного поведения. Содержание субъективного права выражается либо в его использовании (осуществлении), либо в отказе от использования (неосуществлении), либо в требовании от другого субъекта соблюдения своего права [3, с. 132–133].

Очевидно, что осуществление страховщиком своего права должно проявляться в его активных действиях, т.е. в предъявлении требования к лицу, ответственному за причинение вреда. Именно с момента предъявления данного требования у должника возникает обязанность исполнить свое обязательство, срок исполнения которого будет определяться по правилам п. 2 ст. 295 ГК. Следовательно, неправомерным удержанием денежных средств по смыслу ст. 366 ГК будет считаться их удержание, вышедшее за рамки указанных сроков.

Список цитированных источников

1. Гражданское право : в 3 т.: учеб. / Т. В. Авдеева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008–2011. – Т. 2 – 2010. – 960 с.
2. Гражданское право : в 4 т.: учеб. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1. – 720 с.
3. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ ; изд-во «Четыре четверти», 2014. – 416 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложениям актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. / отв. ред. В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2006. – 720 с.
5. Минец, И. Н., Подгруша, В. В. Возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу / И. Н. Минец, В. В. Подгруша. – Минск : Амалфея, 2005. – 252 с.

СТРОИТЕЛЬСТВО ОДНОКВАРТИРНЫХ ЖИЛЫХ ДОМОВ НА ЗЕМЛЯХ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ЛИЧНОГО ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА

Проценко Д. В.

На протяжении длительного времени в белорусском законодательстве отсутствовала правовая регламентация деятельности граждан, основанной на вещных правах на земельные участки с целевым назначением для ведения личных подсобных хозяйств. Отсутствие комплексного подхода в правовом регулировании порождало немало противоречий и пробелов в земельном законодательстве, поня-